

Барон Мюнхгаузен. RU

Спектакль - анекдот

Середина 19 века. Зима. Небольшая почтовая станция под С-Петербургом. В углу гостиной камин, в центре стол. В кресле у камина спит человек. Вокруг стола ходит половой Василий. Он расправляет скатерть на столе, пытается закрыть пятно на ней подносом. Он что напевает, скорее всего «Светит месяц...» За ним, скрестив руки на груди, наблюдает дочь хозяина постоялого двора Настя.

Настя:

Василий нельзя стелить постояльцам грязные скатерти. Папенька вернется с ярмарки - он с тебя три шкуры сдерет. Заменяй, не ленись.

Василий:

Барышня, да пятнышко то совсем маленькое, его и не видно почти. *Поднимает скатерть с огромным темно-красным пятном.* Я его с вечера ещё солью засыпал. Как этот утомился. *(Кивает на спящего в кресле человека)* Граф. Тоже мне граф Пшобовский, граф Пшобовский. А на чай и не дал ничего.

Настя:

Когда он узнает, что ты его сапоги сжег, он тебе не только на чай даст, тебе и на кофе хватит.

Василий: *(с мольбой в голосе)*

Барышня мы же договорились. Они и не заметят, я же ведь просушить по лучше хотел. *(Василий поднимает сапог с огромной прожженной дырой в голенище, вертит его в руках, наконец, просовывает в дыру кулак)* Да они и были не новые, вон каблучки-то все поистерлись. А высохли очень хорошо. Может, сказать, что моль съела, а?

Настя:

Не поверит.

Василий:

Почему барышня, по-моему, очень похоже!

Настя:

Вот если б следы от зубов видны были, тогда наверняка бы поверил!

Василий порывается укунить сапог, но его останавливает смех барышни.

Настя:

Да не твоих зубов, Василий! Не твоих!

Василий:

А чьих, барышня? *(Василий в испуге крестится)*

Настя:

Чьих, чьих. Моли, Василий, мо-ли. *(Барышня, щелкает зубами, пугая Василия, а затем закатывается смехом)*

Василий:

Василий с обидой. Я вам барышня завсегда верю, а Вы надсмехаетесь.... Никогда не поймешь, то ли Вы шутите, то ли правду говорите. Прямо барон Мюнхгаузен какой-то. *Задумывается. Говорит в полголоса сам себе.* Ведь это какие зубы у моли быть должны чтоб она так сапог сожрала! *С сомнением качает головой.* Нет, не поверит! *(Уходит, продолжая вертеть в руках прожженный сапог)*

Граф:

Пардон мадемуазель! *(Это проснулся спящий на кресле человек).* Позвольте представиться, граф Вольдемар Пшобовский. Он смущенно поднялся пытаясь расправить измятый костюм, и пригладить волосы. Еле добрались до Вас вчера, у нас в Литве такой пурги не бывает.

Настя:

Очень приятно, граф. Анастасия Александровна. Да метет уже двое суток и конца не видно этому снегу. Если так пойдёт дальше к утру нас занесет по самые крыши.

Граф:

По самые крыши.... Где-то я уже слышал такую историю. Послушайте, только что здесь говорили о бароне Мюнхгаузене, не так ли?

Настя:

В наших краях о нем часто вспоминают. Да и папа о нем много рассказывает, когда то он останавливался на нашем дворе по пути в Петербург.

Граф:

Удивительное совпадение, Настасья Александровна! Ведь и у нас в имении под Каунасом барон гостил. Однажды по просьбе батюшки он укротил своенравного арабского скакуна из нашей конюшни. Мало того, потом заставил коня запрыгнуть на стол, где на скатерти были расставлены чайные чашки, сахарницы, молочники и гарцевал на нем не разбив ни одного прибора!

Вошедший в это время на сцену Василий держит в руках самовар, он слышит последнюю фразу графа. И обращаясь к залу, рассуждает в слух.

Василий:

Ну, дела, у людей по столам лошади ходят и они ничего, не жалуются, наоборот даже! Чашек не побили и ладно! Вот что значит образованные люди. Одно слово, Европа!

Настя:

А мне, граф, не довелось видеть барона Мюнхгаузена, очень жаль! *(Настя вздохнула)* А вот Василий знал его хорошо.

Василий:

Так точно-с! *(Василий ставит самовар на стол)* Помнится ту зиму я первый увидел его лошадь привязанную к кресту колокольни. Снегу было аккурат как сейчас. И мороз... Мороз был ужасный. Замерзло буквально всё. У моего самовара замерз дым над трубой и я не мог войти с ним в комнату, так и носил постояльцам кипяток из сеней ковшом.

Настя: А видите граф этот почтовый рожок на стене. В ту зиму барон прибыл к нам в почтовой карете, и возница всю дорогу пытался трубить в этот рожок, но звуки замерзали внутри, и ничего не получалось. Придя в дом, возница повесил рожок возле печи, и через некоторое время из него начали раздаваться звуки. Все сигналы, которые пытался извлечь из него почтальон на дороге, оттаяли и неслись из согревшегося рожка. Барон оставил нам этот рожок на память.

Василий:

Первые годы после этого, как только печь хорошенько прогревалась, рожок начинал звучать, иногда можно было разобрать голоса, но последнее время молчит. Видать оттаял совсем.

Граф:

Я бы наверное не поверил Вам, уважаемая Настасья Александровна, но тот мороз который застал нас в дороге, вполне мог заморозить не только рожок, но и самого возницу да и меня в придачу.

Настя:

В этом случае, граф, Василию пришлось бы Вас вместе с рожком и возницей отогревать у печки.

Василий, сделав насмешливое лицо, говорит в зал.

Василий: *(в зал)*

Интересно, какие бы звуки издавали возница с графом, оттаивая? *(повернувшись к графу)* Кстати, барон Мюнхгаузен считал, что нет ничего страшнее русского мороза, и он предпочел бы жариться на огне, чем замерзнуть в снегу.

Граф:

А я, Настасья Александровна, пожалуй, не буду ругать русский мороз. Ведь это он привел меня в этот дом и познакомил с Вами. А вот Мюнхгаузена однажды и вправду чуть было не изжарили на огне! Вы слышали эту историю?

Настя:

Нет. Сделайте одолжение, граф, расскажите.

Граф:

Дело было на одном из островов в Тихом океане. Князь местных туземцев был очень добродушным человеком, и имел лишь одно пристрастие - к жареным иностранцам. А наш любимый барон, путешествуя сквозь подземный тоннель, соединяющий два полушария, весьма неосторожно угодил к нему на остров.

Василий: *(недоуменно качая головой, пожимая плечами)*

Вот басурмане, что придумали! Нет, последнее время и у нас иностранцев многовато развелось. Малость осадить не мешает, но чтобы жарить. Да и какое с них жаркое, так духи одни...

Настя:

Простите, граф, Василия, он человек дикий. Ступай, Василий, вроде колокольчик слышен. Взгляни. А Вы, граф, продолжайте, пожалуйста.

Граф:

Так вот, связали эти туземцы Мюнхгаузена и уже к костру несут, и тут один из них, скорее всего повар спрашивает барона: «Как Ваше имя?» Барон им отвечает: «Какая вам разница? Зачем Вам имя?». А повар и говорит: «Для меню, уважаемый».

Настя: *(не удержавшись от улыбки)*

Вот негодяи! Ну это надо! Видно повар их в ресторане раньше работал.

Граф:

Ну конечно, когда они узнали, что хотели съесть барона Мюнхгаузена, расстроились ужасно, просили прощения и оказали барону всяческие милости, но отпускать с острова не хотели ни за что.

Настя:

И как же он выбрался с этого варварского острова?

Граф:

Кажется, улетел. На плодах тюльпанного дерева. Их росло там превеликое множество!

Настя:

Слава Богу! Однако, что это за шум во дворе? Кажется, кто-то и в правду подъехал!

Из сеней слышен топот ног, шум чего-то падающего, голос Василия: «Сюда, сюда, проходите...»

В комнате появляются капрал и армейский майор, замерзшие, запорошенные снегом.

Капрал: *(он заметно шепелявит)*

Ну, слава Богу, ваше благородие, здесь тепло. *Обращаясь к Насте.* Хозяюшка, позвольте поближе к огню. Его благородие совсем замерзли. *Подставляет кресло.* Садитесь, господин майор, сейчас согреетесь.

Майор: *(говорит, слегка заикаясь, пристукивая зубами)*

Позвольте представиться, Гжегош Скрбуданский, майор. Следую в Санкт-Петербург из Варшавы по служебным делам. Метель, мороз совершенно сбились с дороги. Да еще эти проклятые волки.

Настя:

Господь с вами, майор. Какие волки, у нас их отродясь не было. Это верно, Шарик, наша собака. Она такая пушистая.

Майор: *(в голосе майора зазвучали сердитые нотки)*

Это был волк, барышня. Еще немного и я въехал бы на Ваш двор в саних запряженных волком. Почти как в той истории, что выдумал этот болтун - барон Мюнхгаузен.

Настя и Граф: *(в один голос)*

Как, и Вы тоже знаете барона Мюнхгаузена.

Майор:

Я нет. Но мой дед, генерал Скрбуданский, был с ним приятелем. О чем я теперь, конечно, сожалею.

Капрал:

Господин майор, Вам бы надо сапоги просушить. *(помогает Скрбуданскому снять сапоги и отдает их Василию)*.

Василий:

Позвольте, Ваше благородие, я мигом. Сейчас поближе к огню, они в раз высохнут. *Трогает сапоги рукой*. О, это чепуха, у меня еще не такие сохли!

Настя: *(щелкает зубами и грозит Василию пальцем)*

Ва-си-лий!

Василий: *(вспоминая случившееся утром, прикладывает руку ко рту, хмурит брови)*

Да, да, да барышня. Вспомнил. Как говорили древние: «Моменто моли!», что в переводе означает «Помни о моли». Пойдемте, капрал, нам нужно заняться лошадьми. *Василий и капрал уходят*.

Настя:

Вот именно.

Граф:

Так почему же, майор, вы жалеете о дружбе Вашего деда и барона Мюнхгаузена. Я напротив, горжусь, что господин барон, бывал у нас в доме. По-моему, весьма достойный господин и отличный рассказчик.

Майор:

Вот именно, рассказчик! Вы знаете, кто был мой дед! Ветеран русско-турецкой войны, боевой генерал, герой. При взятии Очакова был ранен. Сколько подвигов на его счету. А что осталось в истории благодаря этому рассказчику, этому барону, этому Мюнхгаузену!

Настя:

А что осталось в истории?

Майор:

А! Так вы не знаете! Тогда слушайте. Во время боя под Очаковым дед был ранен в голову осколком турецкой картечи. Часть, так сказать, черепа генерала практически снесло. Врачи долго боролись за его жизнь, и, к счастью, генерал стал поправляться. Однако что бы уберечь его мозги от возможных повреждений, им пришлось сделать специальную серебряную пластину прикрывающую часть головы. Она была выполнена на шарнирах и генерал мог её открывать.

Граф:

Майор, я не вижу здесь ничего обидного. Напротив, генерал заслуживает всяческого уважения...

Майор: *(махнул рукой)*

Речь не об этом. Генерал всегда любил шумные застолья, знал толк в выпивке. Однако, быстро пьянел. И Мюнхгаузен, зная это, часто подшучивал над ним. А после операции, сколько бы не было выпито вина за столом, генерал всегда оставался трезв, как стеклышко.

Граф:

Великолепный эффект, весьма полезный для людей военных.

Майор:

И прибыльный, заметьте. Дед на пари с офицерами сумел неплохо заработать. И заработал бы еще больше, если бы не Ваш барон.

Граф:

Что же такого мог сделать Мюнхгаузен, что генерал снова стал пьянеть на вечеринках?

Настя:

Кушать как следует на вечеринках вашему дедушке надо было, тогда и не хмелел бы так!

Майор:

Не надо ерничать молодые люди! Генералу достаточно было приоткрыть серебряную пластинку на голове и выпустить винные пары, как он снова был в форме. А этот барон однажды подкрался к деду, когда тот открыл пластинку и поджег винные пары над его

головой. После этого, конечно, все поняли, что спорить с генералом по поводу спиртного бесполезно. Такое выгодное дело загубил барон Карл Мюнхгаузен.

Граф:

Да, можно сказать, генерал в прямом смысле прогорел!

Настя:

И я папеньке всегда говорю – вино, никогда до добра не доведет.

Граф:

Здесь, уважаемая Настасья Александровна, я с Вами поспорю. Однажды барона Мюнхгаузена токайское вино, не то, что довело - домчало до добра, да еще до какого добра, до сокровищ турецкого султана!

Майор: *(резко обрывая графа)*

Это ерунда, граф! Если Вы имеете в виду историю с винными погребами императрицы Марии-Терезии. Это чушь! Как и всё, что навывдумывал этот пустомеля! Невозможно из Константинополя до Вены и обратно успеть за 2 часа. Ну никак невозможно, я проверял.

Граф:

Я смотрю, майор, Вы хорошо знаете истории о бароне. Странно, что вы так скептически настроены...

Майор:

Скептически! Да я проверил почти все его истории, эти полеты на ядре, эту стрельбу по уткам через каминную трубу, вытаскивание себя за волосы из болота и так далее... Ну ничего же не срабатывает.

Настя:

Как Вы серьезно к этому относитесь! Это Вы господин майор из-за дедушки так на барона сердиты?

Майор:

Не только из-за дедушки. Моему отцу полковнику Скрбуданскому пришлось покинуть службу тоже по милости вашего Мюнхгаузена.

Настя:

Как и он тоже? *Настя делает рукой движение, как бы приоткрывая крышку на голове.* Погорел?

Майор:

Да нет. Отец был начальником артиллерии одной приморской крепости на Балтике. И решил дезинфицировать крепостные пушки по способу, который описывал этот ваш барон.

Граф:

Что же это за способ? Расскажите майор.

Майор:

Да рассказывать тут собственно нечего. По рецепту Мюнхгаузена отец собрал все крепостные пушки и залил их кипящим отваром мухоморов в масле. А наутро, как назло, приехал проверяющий из Санкт-Петербурга...ну и... Какие чувства я должен испытывать к барону после этого?

Настя:

Так зачем же ваш батюшка пушки то варил в масле. Будто это пончики какие, да еще с мухоморами. Вот ужас то.

Майор:

А это вы у барона вашего спросите! Это ведь его способ дезинфекции пушек. После этого то я и решил вывести барона на чистую воду. 12 лет я проверял истории барона Мюнхгаузена, лошадей - 8 штук разрубил пополам - все сдохли. Но теперь всё.... Вот везу в Петербург докладную записку, разоблачающую деятельность, так называемого, барона Мюнхгаузена! Капрал! Капрал! Капрал! Принесите мой чемодан.

Входит капрал, сгибаясь он вносит чемодан Скрбуданского.

Граф:

Да, судя по виду капрала, доказательства действительно весомые.

Майор:

Не то слово, граф. Кстати, капрал тоже участвовал в некоторых экспериментах. Может подтвердить.

Капрал: *(капрал открывает чемодан, протягивает Скрбуданскому толстые папки)*

Конечно. Что угодно, ваше благородие.

Майор: *(листает тетрадь, на его лице самодовольная улыбка)*

Ну... Да вот взять хоть бы эту историю. *Что-то указывая пальцем в тетради.* Вот. Страница 174 «О пощечине станционному зрителю на ж/д вокзале в г. Иллинойсе». Капрал помнишь ту командировку в Соединенные штаты в 1869 году.

Капрал: *(дотрагиваясь руками до рта, заметно шепелявя)*

Еще бы! Я с этими вашими экспериментами все зубы потерял в этой Америке. Чтоб ей пусто было.

Настя:

Это верно от воды. У нас то вода очень хорошая, чистая такая. А вот в Вязьмикино, всего-то 20 верст по дороге, вода плохая. Так там вся деревня зубами мается.

Капрал: *(голос его посуровел, со вздохом)*

Да нет барышня, это не от воды.

Майор: *(со смехом)*

Нет это не от воды, точно. Это из-за барона Мюнхгаузена. Вот что он пишет. *(Читает в тетради)* «Железные дороги в Америке поражают своей небывалой скоростью. Паровозы с вагонами разгоняются мгновенно, со свистом мчатся от станции к станции. *(Что-то пропуская в тексте)* Так, так...о! На станции в Иллинойсе, зайдя в вагон, но еще стоя в дверях, спросил начальника станции: «Это поезд на Читанугу?» В ответ услышал оскорбительную, грубую брань. Намереваясь наказать обидчика, я размахнулся, что бы отвесить настоящую немецкую пощечину, но тут поезд рванул и помчался с такой бешеной скоростью, что когда поднятая для удара рука моя опустилась, мы находились на следующей станции. Моя пощечина досталась начальнику уже другой станции, вполне мирному и порядочному человеку.» *Скрбуданский победоносно обвел взглядом окружающих.* Каково!

Граф: *(рассуждает)*

Технический прогресс и цивилизация шагают теперь такими темпами, особенно в Новом Свете, что некоторые достижения порою действительно представляются фантастическими. Однако эта история скорее курьёзна, чем...

Майор: *(в нетерпении перебивая графа)*

Курьёзна? Читаем дальше. Результаты эксперимента. Тридцать три раза я садился в поезд на вокзале Иллинойса. А вот он *(указывает на капрала)* стоял на перроне в роли начальника станции-хулигана. Грубо отвечал мне на вопрос о поезде на Читанугу, и я все 33 раза успевал дать ему в зубы до отправления поезда. Подтвердите, капрал!

Капрал:

Так точно, господин майор, 33 раза. Так что это не от воды, барышня. *(капрал снова морщится, трогая подбородок)*

Граф: *(со смехом)*

Так ваш эксперимент не чистый, майор!

Майор:

Это еще почему?

Граф:

Мюнхгаузен хотел дать начальнику станции пощечину, а Вы лупили капралу прямо в зубы.

Майор: *(немного смутившись)*

Ах, граф Если б Вы только слышали, как он мне грубил, когда я его спрашивал о Читануге....

Настя:

И что же, господин майор, Вы, таким образом, проверяли все истории барона Мюнхгаузена?

Майор:

Не все конечно, но те, что проверил, почти все бездоказательны.

Граф:

Вы сказали почти все, значит, что-то все таки подтвердилось?

Майор: *(испытывая некоторое замешательство)*

И да, и нет. Видите ли, тот эксперимент был достаточно болезненный, и повторить многократно его было затруднительно. Добровольно никто не соглашался, *(кивает на стоящего рядом капрала)* пришлось на себе. И статистика не позволяет окончательно заявить о недостоверности той истории, хотя...

Настя: *(в нетерпении)*

Да о чем эта история, расскажите.

Майор:

А я разве не сказал? Это история в выбивании искр из глаза.

Настя:

Боже мой, из какого глаза?

Майор:

Да в том то все и дело, что из своего собственного глаза. Этот ваш барон, однажды пойдя на охоту, забыл дома кремень. Уток как назло видимо-невидимо. Что делать? Он насыпал на полку ружья порох, *(жестами показывая действия Мюнхгаузена)* прижался щекой к прикладу и как даст кулаком себе в глаз со всей силы. Из глаз искры, ружье выстрелило. Я стал повторять и на третий раз, черт его знает почему, ружье у меня выстрелило. Снова насыпаю порох, прикладываю ружье к другому глазу.... Бац кулаком. Не стреляет. Хотя искр видел много. Яркие искры. Фу... Болезненный эксперимент. Глаза, знаете, быстро устают!

Настя:

Да, ведь и порох мог отсыреть, глаза-то поди слезиться стали. Может, еще попробуете? Ведь один то раз получилось, как у барона!

Майор:

Нет, нет. Это скорее случай. Я и в записку его не включал. Да и не может ружье стрелять от этого, не должно. И, вообще, все истории барона Мюнхгаузена - ложь!

Граф:

Ну, знаете, это Вы напрасно. Господин барон был дружен с моим отцом. И это уже гарантия его порядочности.

Майор:

Доказательства нужны! Доказательства. Где вывернутые наизнанку лисы, где восьминогие зайцы, где бешеные шубы, наконец? Где всё это?

Василий: *(он в это время вошел в гостиную, держа в руках дымящийся сапог майора)*
Говорит в зал.

Нет. Вот с шубами всё пока в порядке – не бесятся, а с сапогами ихними и впрямь что-то неладное творится. Может и, в правду, того - *(крутит пальцем у виска)* болеют.

Настя: *(строго)*

О чем ты, Василий! Как это сапоги - болеют?

Василий: *(развивая неожиданно пришедшую мысль)*

А что? Простыли видать или вирус какой. Сильный жар у них! Прямо горят.... О как! *Крутит сапог в руках, пыхая дымом.* Моменту моли, барышня! Пересыхают удивительно быстро!

Граф:

Любезный, я знаю средство для их лечения. Сделайте им растирание, да не жалеите ваксы, голубчик.

Майор:

И не ставь их больше к открытому огню, шельма. Капрал заберите у него мои сапоги.

Настя:

Однако не желаете ли чаю, господа? Самовар давно поспел. Прошу к столу. Вот варенье вишневое, с косточками. Вам, кстати, господин майор, не нужны для экспериментов вишневые косточки? Помнится, барон как-то стрелял ими на охоте по оленю. Вы должны знать эту историю.

Майор: *(он успел взять в рот ложку варенья и теперь обсасывал во рту косточки вишен)*

Нет, эти не подошли бы, мадемуазель. *(выплевывает косточки в блюдо)* Вареные. А нужны свежие. *(Видя улыбки на лицах окружающих, говорит всё настойчивей)* Зря улыбаетесь. Знаете, как сложно попасть в лоб оленю вишневыми косточками. Дальность полета косточки невысока, устойчивости никакой, кучность отвратительна, поражающая способность ниже всякой критики. У меня есть заключение экспертизы Кёнигсбергского управления артиллерии, подписанное профессором Хинтерштоккером. А какой крепкий *(Майор встает и стучит себя по лбу)* череп у оленя. Здесь же у него лобные кости и, пардон, рога. А плотная оленья шерсть - она же гасит удар! А размеры оленьего лба, малый угол обстрела, и вероятность рикошета сводят шансы барона к нулю. Так что, милая мадемуазель, этому вопросу я посвятил целую главу, и имею патент на устройство крепостного бастиона по принципу оленьего лба. Он так и называется «Форт Олений лоб».

Граф:

А, по-моему, Вы, майор, поторопились с названием. «Лоб Скрбуданского» звучит более внушительно и, кажется, абсолютно неприступно.

Майор: *(на секунду задумывается)*

Благодарю Вас, граф. Я подумаю. *(Продолжает с нарастающим темпераментом.)* А потом, все забывают о таком параметре, как всхожесть косточковых.... Она же весьма невысока *(морщится)*, да еще после такого высокого давления и температуры, какие возникают при горении порохового заряда в стволе ружья. И это мы ещё не учли перегрузки в полете и удар о череп. Крепкий удар господа, удар - что называется *(усмехается)* кость в кость. *(Разводит руками, останавливаясь на секунду)* Так что взойти на оленьем лбу, развиваться, а тем более, дать урожай вишневое дерево не могло никаким образом. Я закончил, господа. *(Майор утирает пот и раскланивается)*

Слушатели, ошарашенные напором майора, после некоторой паузы, начинают то ли в шутку, то ли серьезно - аплодировать.

Василий: *(он один не среагировал на эмоциональное выступление майора)*

А как же Степан Мирошник? Он то не врет! Прошлым месяцем он на глухаря охотился. Тот на вишне токует себе так. *(Показывает)* Ток, ток, ток, тр-трррр... Степан целится... Глухарь ток, ток, ток...ничего не слышит. Степан уже курок нажимает. И тут вдруг вишня вместе с глухарем в сторону прыг...и в самую чашу. Глухарь в одну сторону – фррр..., дерево в другую кррр..., Степан из ружья в третью – бац.... Мимо конечно.... Оказалось, вишь, вишня то на олене росла...это потом по следам поняли. Он вместе с ней в чашу то, и того – сиганул. А вишни там обсыпалось, вся поляна красная была.... Говорят, недавно опять их видели...

Настя:

Постой, Василий. Кого с кем видели? Мирошника с глухарем?

Василий:

Да нет, барышня, оленя. А на нем дерево. Так вместе и ходят.

Майор:

Кррр, фррр, бац, поляна красная - это не доказательства. Эксперимент, практика *(стучит по тетрадьм рукой)* – это критерий. Только им верю.

Василий:

А Степан – он охотник знатный, можно сказать почти критерий. Может сбегать за ним.

Майор:

Э, нет. Рассказами вашими по горло сыт. Не верю, а охотникам тем более. Вот если бы шкура, чучело. Описание подробное, очевидцы...тогда...не знаю.

Василий:

Так есть описание то! Барышня, поднос! Поднос то покажите ему!

Настя:

Ай, Василий, и, правда! Смотрите, майор. *(Показывает поднос. На нем нарисована голова оленя с вишневым деревом, растущим из лба животного.)*

Майор:

Ну-ка, ну-ка? Любопытно. Позвольте взглянуть.

Все склоняются над подносом. Слышны фразы.

Натурально нарисовано. Ну-ка, Ну-ка! А смотрит как, а! Вишня крупная какая!

Майор:

Фальшивка! Шерсть на олене светлая?

Граф:

Светлая!

Майор:

Раз светлая – значит зима. А вишня спелая?

Настя:

Спелая.

Майор:

Спелая - значит лето! Неувязочка получается, нестыковочка! Фальшивка - одним словом. *(Майор уничтожающе обводит взглядом окружающих)*

Все снова склоняются над подносом. В это время капрал, до этого молча разглядывавший изображение на подносе, подходит к майору и возбужденно говорит, показывая рукой на поднос.

Капрал: *(с изумлением и испугом)*

Ваше превосходительство! Я его узнал. Это точно он. Взгляд такой. И рога. Рога точно его. Их во век не спутаю.

Майор:

Да ты что, Янек. Кого ты узнал? Что ты несешь? *(К окружающим, пожимая плечами)*
Чушь какая то.

Капрал:

Ей богу, Ваше превосходительство, он. Да вспомните, Вы. Я ещё морду ему держал. Здоровый гад. Вырвался потом. Всю мне спину рогами разодрал, а Вас копытом. Ну, вспоминаете?

Майор: *(Снова присматривается к изображению оленя, уверенность в его голосе исчезла, он был смущен)*

Не-ет. Что-то не припомню. Ты путаешь, наверное.

Капрал: *(с настойчивостью)*

Да нет, берлинский зверинец, мы ночью пробрались. Эксперимент ваш с косточкой. Вы её в пистолет зарядили. А я морду ему держал, за рога. Всё Вы в пятнышко целили то. Вот оно. *(Показывает)* А потом он вырвался. Вас копытом, меня рогами. Шум поднялся. Сторожа, егеря.... Вы еще штраф там платили.

Майор: *(переводит взгляд с капрала на оленя и обратно, говорит медленно)*

95 таллеров серебром. Неужели выросло! Не может быть. А я думал, что не попал. *Переводит взгляд на Настю.* Откуда у Вас этот поднос?

Настя: *(явно поддразнивая майора)*

Папеньке брат подарил. Из Парижа привез. С выставки.

Капрал: *(объясняет)*

Тогда оленя этого егеря так и не поймали. Видать он из Берлина в Париж и удрал.

Майор:

Как в Париж?

Граф:

Вот так, майор! Ну и нагнали Вы страха на животное своими экспериментами. Оно от ваших вишневых косточек, аж в Париж рвануло!

Майор:

Его испугаешь, пожалуй! Кто рисовал поднос? Где? Когда рисовали? Капрал, мы когда его это... ну... испытывали?

Капрал:

Осенью 1872. В ноябре. По ночам уже холодно было. И темно. Мы еще чуть в клетку к тиграм не попали. Замок не открылся. А то бы....

Василий: *(заканчивает за него Василий)*

А то бы вишни теперь над вашими головами росли.... Над могилками. Такой вот портрет бы получился «Вишневые косточки над человечьими». *(Ворчливо)* Прямо беда с этими испытателями. Это ж надо – тигру - косточками дразнить.... Ну, ботаники...

Майор:

А поднос датирован? Когда выставка была?

Настя:

Вот здесь дата есть. Париж, май, 1874 год.

Капрал:

Ну вот, все сходится. Наш, я же говорю это он, рогатенький – берлинский. Пражский то, помельче был и темнее...*(замолкает, видя, что Скрбуданский скрытно показывает ему кулак и зло таращит глаза)*

Граф:

Ну, майор, вот вам и доказательство, эксперимент удался! Заносите в свою записку.

Майор: *(агрессивно)*

Да мало ли чего рисуют теперь в Париже. Так красками помажут по бумаге и говорят «Впечатления от восхода, впечатления от заката...» А это наверное впечатление от говяжьей печени и вишневого пирога ха, ха, ха.... Да дерево-то здесь - большое какое! *(Успокаиваясь)* Нет видно – фальшивка. Впечатление только и всего.

Василий:

Да что Вы все фальшивка, фальшивка. Я сам один раз барону не поверил, когда он рассказывал, что топор на Луну забросил. Так потом, на Масленицу, пошли с Демьяном, ну мельника сыном, проверять. Полнолуния, значит, дождались, зима... снег искрится. Мы на горку за Шведским лесом, ага. Звезды тоже, конечно, яркие. Топор Демьян, с собой взял свой, я свой. Кидать начали.... Сперва видно не долетали, а потом я как размахнулся и... тама – нет топора. Подождали, а потом и Демьян того – закинул, значит.... Не вернулись они - так то.

Майор:

А ты уверен, что они на Луне, любезный? Наверное, на Масленицу, веселый был.

Василий:

Обижаете барин! Вся деревня знает. Где ж им ещё то быть. Топоры - не птицы – не летают, поди.

Настя:

Это точно, мужики тогда завелись и почти со всех дворов топоры позакидывали. Папенька верил барону и свой топор не дал. А так на деревне топоров почти не осталось.

Граф: *(подыгрывая Василию)*

По-моему убедительно. Проверять будете, майор?

Василий:

Но только мы свой топор не дадим, результат нам и так ясен.

Майор молча качает головой, у него нет слов.

Настя: *(подбегает к печи и снимает со стены почтовый рожек)*

А это - то же, по-вашему, фальшивка?

Майор:

А это ещё что такое?

Настя:

А это почтовый рожок барона Мюнхгаузена! Помните, граф, я Вам рассказывала. В нем звуки застыли. А когда он оттаивал, то было слышно все, что в него возница с бароном Мюнхгаузенем пели и говорили.

Майор: *(берет в руки и начинает придирчиво рассматривать)* Рожок как рожок. Почтовый. Ободок чуть погнут. Буквы какие-то. Стерлись. *(Пытается дунуть, и издает неприятный звук, потом прикладывает рожок к уху)* Не слышно ничего. Тишина.

Василий:

Господин майор! Так его согреть надо. Он раньше звучал, когда согревался. Последнее время, правда, все тише и тише.

Майор:

Ну вот, начинается! Звучит так, что ничего не слышно. Это в стиле историй о вашем бароне. А по мне не слышно – значит, не звучит. Не работает.

Граф:

Ну, Вам же сказали, звучит, когда согревается. Василий, положи рожок ближе к печке. Подождем.

В комнату вбегает девчушка лет шести. Это сестра Насти Иринка.

Иринка:

Настя, Настя! Нам почтальон письмо привез. Говорит от папеньки. Читай скорее!

Настя: *(берет письмо и бегло читает вслух проглатывая неважные фразы)*

Здравствуйте мои дочурки.... Ярмарка удалась.... Как там дела.... Завтра выезжаем, буду дома к субботе. Еду не один, встретил на ярмарке нашего старого друга Карла Мюнхгаузена. Он погостит у нас. Целую. Ваш папа.

Иринка:

Ура, ура! Папа возвращается! Гостинцев, наверное, привезет с ярмарки!

Василий:

А я думал, что уж не увижу барона, хотя в душе надеялся. Вот славно поохотимся...

Граф:

Вот это удача. Я должен дожидаться барона, да и с папенькой Вашим, Настасья Александровна, я бы с удовольствием познакомился.

Настя:

Оставайтесь граф, мы гостям всегда рады! Вот майор, вам и третье доказательство, самое верное! Барон Мюнхгаузен возвращается!

Майор:

Если оно такое же, как и второе, то проку от него мало. Рожок то Ваш, господа, молчит.

Граф:

Так не нагрелся еще видно. Подождите, господин майор.

Майор: *(встает и подходит к печке)*

Мне ждать некогда! Сейчас он у меня живо согреется. Запоеет, если вы мне не врите. А коли врите туда ему и дорога, вместе с бароном Вашим. *(пытается сунуть рожок в огонь камина)*

Настя: *(выхватывает рожок из рук майора и прижимает его двумя руками к сердцу, как ребенка)*

Да Вы что, господин майор! Это же память о бароне! Не хотите, и не верьте, никто не заставляет. Мюнхгаузен никогда ни кого не заставлял верить своим историям. Но ведь все они случались с ним! Как же – Вы - их проверить то можете?

Василий:

Что б их повторить, надо сначала стать господином бароном Мюнхгаузенем! А это не так просто, ваше превосходительство!

Вдруг Настя наклоняет голову к рожку, начинает прислушиваться. Раздается сначала далекий звук колокольчиков. Он усиливается.

Настя:

Кажется, он согрелся! Послушайте!

К звуку прислушиваются уже все находящиеся на сцене. Затем становятся слышными голоса. Это голоса возницы и барона Мюнхгаузена.

Голоса из рожка:

Ээй, но залетные. Веселей. *Свист мотива «Светит месяц...»*

Черт бы побрал этот русский мороз! Я предпочел бы жариться на огне, чем мерзнуть в этой снежной пустыне!

Теперь уж недалеко, господин барон, теперь уж совсем близко...

Ничего! О, как я расскажу об этом морозе друзьям!

Так, поди, не поверят, господин барон!

Ты что, возница! Не верить барону Мюнхгаузену - просто глупо! Я же самый правдивый человек на свете!

Это верно, господин барон! Эээй, веселей! Светит месяц, светит ясный, светит полная-я луна!

На сцене все, кроме майора и капрала постепенно подхватывают сначала ритм, а затем слова веселой песни возницы. Наконец к песне подключаются капрал, а затем и майор.

К О Н Е Ц.